

УДК 811.511.112

М. И. Григорьев

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЭСТОНСКИХ КАЛЕК
НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ ПРИОБРЕТЕНИЯ)¹**

В статье рассмотрены проблемы незаметного проникновения калек в язык-реципиент, недостаточная разработка коллокационных норм и общие ограничения, лимитирующие функционирование норм языка, особенно проверку коллокаций и потенциальных калек на нормативность. В качестве альтернативы языковым нормам и корпусному анализу, который можно считать их современным аналогом, в статье предложен лингвистический эксперимент, главной идеей которого является искусственное создание эстонских калек в русском языке с последующей их оценкой носителями русского языка. Предполагалось, что такие кальки должны легко идентифицироваться при оценке компетентными носителями языка, а именно студентами языковых специальностей РУДН, что и подтвердилось в большинстве случаев. Однако в небольшом количестве случаев кальки все же были оценены респондентами как допустимые коллокации. Учитывая языковые навыки респондентов и количество отображенных анкет (81), результаты эксперимента не могут являться ошибкой и должны быть исследованы отдельно. В статье описаны процесс создания калек, отбор респондентов, процедура проведения эксперимента, а также дана первичная интерпретация полученных результатов. В целом эксперимент, описанный в статье, предлагает оригинальный взгляд на исследование процесса калькирования и проверку коллокационной нормативности, что может оказаться особенно полезным в теории и практике преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: кальки, коллокации, сочетаемость, лексическая семантика, языковые нормы, коллокационные нормы, словари сочетаемости, языковой корпус, лингвистический эксперимент.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-26-37

В процессе изучения повседневного использования языка, родного и иностранного, регулярно возникает необходимость проверки и коррекции лексической сочетаемости, что в случае иностранного языка также осложняется интерференцией, которая проявляется в использовании калек изучающими иностранный язык. В современном языкознании принято считать, что процесс заимствования *чужого слова* всегда осознается и поддается оценке носителями языка: «<...> влияние на язык почти никогда не оставляет общество равнодушным и нередко воспринимается носителями языка-реципиента (во всяком случае, частью из них) болезненно и нервно. Иноязычное слово может ассоциироваться с чем-то идеологически, духовно или культурно чуждым, даже враждебным и уж, несомненно, засоряющим язык, – как это было, например, в конце 40-х годов XX века во время борьбы с «низкопоклонством перед Западом» [Крысин 2002, 27]. Под влиянием другого языка заимствуется в первую очередь лексика,

¹ Исследование выполнено при поддержке Тартуского университета, государственной программы Эстонской Республики «Doga Plus» и Европейского фонда регионального развития.

что часто связано с проникновением в жизнь носителей заимствующего языка внеязыковых явлений, которые эти заимствования и описывают [Крысин 2002, 28]. Но процесс заимствования гораздо сложнее, чем просто номинация новых объектов, понятий и явлений, для которых в языке раньше не было лексем. При заимствовании лексики, например, иноязычное слово может укрепиться в языке наряду с исконным, уже существующим вариантом. В таком случае две лексемы начинают различаться семантическими и/или стилистическими нюансами или синтаксической сочетаемостью. Статистически глагольные формы заимствуются в условиях двуязычия значительно реже именных. Например, при оценке этого явления в русско-китайском, русско-мансийском и русско-удмуртском билингвизме выяснилось, что процент заимствования именных форм варьировался в пределах 31–72% от всех заимствований, в то время как заимствование глагольных форм составляло всего 7–14%, хотя исследователи и подчеркивают, что именные формы имеют тенденцию быстро проникать в язык и так же быстро исчезать, а глагольные формы проникают в язык гораздо труднее, но и сохраняются в нем дольше [Кондратьева, Шаланки 2021, 591–592].

Новые значения приходят в язык также с помощью калек, которые можно выделить в отдельный тип заимствований, а именно в семантическое заимствование. Отличительной чертой калек в сравнении с лексическими заимствованиями является употребление уже имеющихся в языке лексем или их частей в новом значении или в новой комбинации, когда эти лексемы употребляются в нехарактерных ранее сочетаниях и, как и заимствования, приобретают новый смысл, полученный из языка оригинала. В то же время такой процесс калькирования представляет для его исследователей значительные сложности, потому что, во-первых, калек в языке «несравнимо меньше, чем заимствований», а, во-вторых, «кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития» [Крысин 2002, 30]. Вторая причина также указывает на тот факт, что у семантических заимствований есть все шансы остаться незамеченными для носителей языка, в то время как у заимствований иноязычной лексики таких шансов почти нет. Как это ни странно, кальки проникают в язык в обход существующих языковых норм, которые, во-первых, никогда не могут охватить весь язык целиком, и, во-вторых, всегда опаздывают, реагируя на уже произошедшие изменения в языке, запрещая те из них, которые были признаны нежелательными. Так как языковая норма по своей природе является правилом, то не удивительно, что коллокационные нормы особенно плохо сформированы в любом языке, так как именно коллокации в большинстве не подчиняются правилам и, как любят говорить учителя иностранного языка, большинство из них «нужно просто запомнить».

Гипотеза и метод исследования

В данной статье в качестве альтернативы языковой норме для проверки нормативности коллокаций рассматривается проведение лингвистического эксперимента на материале глаголов приобретения в русском и эстонском языках. Предположительно, с помощью полученных данных удастся определить, насколько «скрытными» могут быть кальки при проникновении в язык-реципиент на основе того, как носители языка оценивают сочетаемость глагола с определенными лексемами. В самом общем виде данный эксперимент представляет собой оценивание носителями русского языка искусственно созданных калек из эстонского языка. Полученные данные будут рассматриваться в том ключе, что если часть калек остается не идентифицированной респондентами, то справедливо говорить о влиянии таких калек на осваивающих русский язык на определенном этапе изучения, а также о возможности проникновения этих калек в язык русской диаспоры в Эстонии. Кроме того, на основе количественных данных, полученных при проведении эксперимента, можно оценить вероятность (от низкой до высокой) такого влияния в зависимости от соотношения положительных и отрицательных ответов респондентов. Результаты эксперимента и их интерпретация призваны помочь при обучении рус-

скому языку эстонцев для исключения возможного калькирования, а также при сопоставлении семантики глаголов приобретения в русском и эстонском языках.

Понятие кальки и проблема идентификации

Чтобы впоследствии можно было правильно интерпретировать результаты эксперимента, анализирующего проникновение эстонских калек в русский язык учащихся, сначала нужно определить основные понятия и рассмотреть, как в данном эксперименте понимается процесс калькирования. *Кальку* можно определить как буквальный перевод с языка-донора на язык-реципиент лексемы или словосочетания, то есть в широком смысле «заимствование чужого значения в родной форме» [Рихтер 1919, 86]. В этом смысле калька противопоставляется заимствованиям, которые можно разделить на «заимствование чужой формы и чужого значения» и «заимствование чужой формы для выражения своего значения». Данные определения свойств понятий *калька* и *заимствование*, конечно, не являются единственно верными. Более того, не все исследователи согласны с разграничением данных понятий и считают кальку частным случаем заимствования. Например, Э. Хауген делит иноязычные слова на три типа, ставя кальки в один ряд с другими иноязычными словами: 1. полностью соответствующие прототипам в языке-доноре; 2. частично состоящие из иноязычных элементов; 3. семантические заимствования, то есть кальки [Haugen 1950]. Л. П. Крысин рассматривает разные классификации заимствований и калек, которые чаще всего сосредоточиваются на разных свойствах заимствований и калек, например, на их форме («своя» форма – калька, «чужая» форма – заимствование) или на их структуре по принадлежности языковому уровню (фонетические, морфологические, лексические, синтаксические заимствования) [Крысин 2004, 18–24]. При описании рассматриваемого эксперимента ключевой характеристикой является семантика коллокаций, поэтому определение кальки Л. П. Крысиным как «семантического заимствования» очень точно передает ее свойства и удобно для анализа полученных результатов. Согласно предложенной Л. П. Крысиным классификации, основными типами калек являются лексические, словообразовательные, семантические и сочетаемостные, причем в современном русском языке «преобладают кальки семантические и сочетаемостные, а главным их источником является английский язык (преимущественно в его американском варианте)» [Крысин 2002, 31]. В данной статье на основе экспериментальных данных будут рассматриваться семантические и сочетаемостные кальки в русском языке (язык-реципиент) под влиянием эстонского (язык-донор).

Так как при образовании семантических и сочетаемостных калек используются уже существующие лексические единицы, то такие кальки представляет собой, условно говоря, привычную для носителя языка форму и могут быть идентифицированы носителем языка по новой для этих лексических единиц семантике. Однако на практике исследователи сталкиваются со второй проблемой определения калек, упомянутой выше, согласно которой изменения семантики лексических единиц могут быть вызваны как внешним влиянием на язык, так и его собственными внутренними процессами. В некоторых случаях эти две причины могут переплетаться, образуя более сложный процесс, и под внешним влиянием лексические единицы возвращают свою утраченную семантику: «<...> существование *своего* и *чужого* в языке представляет собой довольно сложный симбиоз перехода из одной категории в другую (прежде всего, освоение чужого), взаимодействия в некоторых случаях определенной поддержки *чужим своим*» [Кюльмоя 2016, 122].

В эксперименте респондентам были предложены для анализа искусственно созданные кальки, а организован эксперимент специально так, чтобы часть калек выглядела естественно и такие кальки могли бы быть восприняты как допустимые для языка коллокации, но респонденты об этом не предупреждены. С одной стороны, для организаторов эксперимента проблемы определения своего и чужого и проблемы идентификации калек в общем возникнуть не должно. С другой стороны, можно допустить, что искусственно созданная калька совпадет по значению с существующей в языке коллокацией. В таком случае даже искусственно создан-

ные калки должны быть предварительно проверены на предмет совпадения с допустимыми коллокациями.

Коллокация, ее значение и коллокационная нормативность

Если при исследовании калек установить акцент на их семантике, то семантика калек определяется точно так же, как и семантика обычных коллокаций. Здесь следует отметить, что описываемый эксперимент является частью исследования глаголов приобретения в русском и эстонском языках, следовательно, речь в эксперименте идет именно о глагольных коллокациях. Лексическое значение определяется путем анализа окружения слова и, главным образом, его сочетаемости [Апресян 1974], поэтому семантика слова и словосочетания неразрывно связаны. Более того, понятие языковой нормы, принятое в современном англоязычном языкознании и основанное на корпусном анализе, практически ставит знак равенства между нормой, то есть «правильным» употреблением, включающим также семантику, и ее иллюстрациями, то есть коллокациями [Hanks 2013, 91–96]. Поэтому проблема идентификации калек также становится проблемой определения правильной семантики коллокаций. То есть, если носитель языка не может распознать калку, он также не может правильно распознать и новое лексическое значение, которое появилось с использованием этой коллокации. Другими словами, калка становится калькой, если она может быть идентифицирована. Если же калка не может быть идентифицирована в принципе или воспринимается частью носителей языка как естественное словосочетание, то в таком случае калка, как правило, просто становится новым незамеченным значением уже имеющейся в языке коллокации.

Как известно, словари всегда опаздывают при описании современного языка, поэтому неудивительно, что и носители языка не всегда уверены, существует ли в языке то или иное значение, которое предлагает им калка. Однако проблема в данном случае не сводится к плохой осведомленности носителей языка. Неполнота словарей, которые физически не смогли бы включить абсолютно все возможные значения, а, следовательно, и все варианты сочетаний для той или иной лексемы, не позволяет безошибочно проверить словосочетание на нормативность. Так, для удобства изучения языка были созданы различные словари-справочники, целью которых является демонстрация наиболее употребительных глагольно-именных сочетаемостных норм и в некоторых случаях их валентности [Kaarma, Külmoja 1984; Дерibas 1979; Денисов, Морковкина 1983]. Представляя эстонско-русский учебный словарь, авторский коллектив так описывает свою цель: «Эстонско-русский учебный словарь» отличается от существующих эстонско-русских словарей принципами составления словарных статей, что обусловлено его активной направленностью. Авторы пытаются по возможности полно показать в словарной статье поведение слова в тексте, его сочетаемость. Сделана попытка проиллюстрировать вариативность того или иного смысла. Большинство словарных статей содержит большой набор словосочетаний, в том числе и идиоматических, раскрывающих значение заглавного слова» [Kaarma, Külmoja 1984, 6]. Другими словами, авторы попытались систематизировать наиболее употребительные коллокации, а не просто отдельные слова, которые будут востребованы при изучении эстонского языка. Подобная идея активного словаря, заключающаяся в понимании лексического значения как коллокации, а не одиночной лексемы, позднее была реализована в «Активном словаре русского языка» под редакцией Ю. Д. Апресяна. Однако далеко не все допустимые коллокации отражены в таких словарях-справочниках, да и в любых других словарях, включая «Активный словарь русского языка».

Поэтому последней надеждой установить допустимость употребления коллокации становится *языковая норма*. В данном случае языковую норму можно охарактеризовать тем, что она формирует *правило* для оценки коллокации на нормативность без необходимости перечисления в словарях всех возможных вариантов употребления. К сожалению, коллокационным нормам уделено мало внимания в современном языкознании, и проблема кроется в сущности языковой нормы.

С одной стороны, понятие *языковой нормы* является довольно простым и общепризнанным: «В первом приближении языковая норма – это то, как принято говорить и писать в данном обществе в данную эпоху. Иначе: норма – это совокупность правил выбора и употребления языковых средств (в данном обществе в данную эпоху). Понятие нормы неразрывно связано с понятием литературного языка. Литературный язык и называют часто языком нормированным» [Беликов, Крысин 2001, 24]. С другой стороны, как подчеркивает А. М. Пешковский, существует *два* существенно различающихся взгляда на язык: *объективный* и *нормативный* [Пешковский 1964, 231–241]. *Объективный* взгляд на язык – это взгляд исследователя, который призван зафиксировать и описать реально существующие языковые факты, не давая им своей оценки и не разделяя наблюдаемые процессы на «правильные» и «неправильные», на «хорошо» и «плохо». *Нормативный* взгляд на язык – это взгляд учителя, поборника правил и норм, призванного незамедлительно выносить вердикт и делить языковые факты на «черное» и «белое», на «правильно» и «неправильно». А. М. Пешковский очень убедительно доказывает, что язык всегда живет своей жизнью и меняется, нравится ли это его исследователям и пользователям, или нет, а понятия «правильно» и «неправильно», относящиеся к оценке языковых фактов, являются крайне условными.

В то же время язык меняется очень быстро, также меняется и языковая норма. Если бы языковой нормы не существовало и язык менялся бы бесконтрольно быстро, то относительно быстро диалекты стали бы разными языками и люди просто перестали бы понимать друг друга, как и последующие поколения носителей изменившегося языка перестали бы понимать литературные произведения, написанные несколько поколений назад [Горбачевич 1989, 23–33]. Для сдерживания бесконтрольного развития языка защитникам его стабильного состояния приходится выбирать из увеличивающегося количества вариантов старых и новых языковых конструкций эталонные, которые будут признаны языковой нормой. Такой выбор всегда является субъективным и основан на апелляции к авторитетным пользователям языка, то есть, как правило, к авторам классической литературы: «Норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников» [Истрина 1948, 19].

Однако вариативность употреблений среди авторитетов тоже не является редкостью, и при выработке языковой нормы лингвистам все равно приходится принимать решение самостоятельно. Критерии такого выбора эталонных употреблений тоже являются предметом лингвистических исследований, имеют свою методологию и спорные вопросы, но для данной статьи достаточно того, что выработка языковой нормы, так или иначе, является субъективной. Для понимания функционирования языковой нормы гораздо важнее тот факт, что литературный язык максимально абстрагирован от внеязыковой ситуации по сравнению с диалектами и жаргонами, являясь неким усредненным языком, понятным всем носителям его разных вариантов: «Чем «литературнее» речь, тем меньшую роль играет в ней общая обстановка и общий предыдущий опыт говорящих. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить два полюса этой стороны речи: разговор крестьянина с женой об их хозяйстве и речь оратора на столичном митинге. Первые говорят только о том, что или перед их глазами или переживается ими сообща в течение всей жизни ежедневно; второй говорит обо всем, кроме этого» [Пешковский 1964, 240].

Другими словами, литературный язык и языковая норма как его частное проявление являются искусственно созданными языковыми конструктами, призванными обеспечить понимание между всеми носителями языка и его многообразных вариантов. Учитывая причины и специфику формирования языковых норм, не приходится удивляться, что они не полны и всегда опаздывают, так как языковая норма не создается заранее, предупреждая будущие изменения языка, а появляется в ответ на уже произошедшие изменения, постфактум признанные нежелательными.

Следует особо отметить, что такое классическое понимание функционирования языковой нормы на сегодняшний день существенно меняется в связи с активным развитием корпусной лингвистики. Если раньше языковая норма привязывалась к достаточно узкому кругу текстов,

в основном, классической литературы, то сегодня корпусный анализ позволяет значительно расширить количество языкового материала. Тексты, включаемые в языковой корпус, также подвергаются предварительному отбору, а на смену картотекам с иллюстративными примерами пришел компьютер и интерактивный поиск вхождений. Но самым главным преимуществом языкового корпуса оказалась возможность сравнения количества употреблений между разными языковыми вариантами. То есть теперь лингвисты могут снять с себя ответственность выбора между двумя и более вариантами употребления, которые были зафиксированы в авторитетных источниках, тем, что сравнят количество употреблений для разных вариантов, и наиболее употребительный вариант будет считаться языковой нормой. В то же время от лингвистов требуется принятие решений при отборе найденных вхождений, для чего нужно быть уверенным, что все найденные употребления удовлетворяют критериям поиска и относятся к анализируемому языковому факту [Hanks 2013, 93]. Как уже было упомянуто, корпусная лингвистика ставит знак равенства между иллюстративным материалом отобранных для корпуса текстов и языковой нормой, но, к сожалению, корпус, как и совокупность авторитетных источников в «докорпусную» эпоху, также не может охватить весь язык целиком и ответить на все спорные случаи при проверке нормативности: «<...> если некое явление отмечено [в корпусе], то оно и правильно. Но именно этот тезис и является одновременно и самым сильным, и самым слабым местом в корпусном анализе. Такой подход упрощает обработку языкового материала и вместе с тем огрубляет ее» [Кронгауз 2005, 75].

Самой последней методологической попыткой увеличить количество анализируемого языкового материала стало использование систем интернет-поиска в целях лингвистического анализа, чему некоторые исследователи дали ироническое название Googleology [Kilgarriff 2007]. Фатальной проблемой такого использования систем интернет-поиска оказалась невозможность выдавать одинаковое количество результатов для всех устройств, на которых производится поиск. В ситуации, когда количество вхождений по каждому запросу может различаться на 30% для разных устройств, невозможно сформировать достоверную статистику языковых употреблений, как в случае с языковым корпусом. Однако в некоторых случаях количество вхождений можно замкнуть, ориентируясь на систему поиска не на весь интернет целиком, а на определенные сайты, что превращает систему интернет-поиска в подобие языкового корпуса, сформированного на основе одного или нескольких сайтов. Такой подход позволяет делать такие же достоверные выводы, что и языковой корпус, если принимать во внимание качество выбранных для анализа сайтов [Grieve et al. 2014].

К сожалению, при проверке языковых норм с помощью корпусов и систем интернет-поиска проблема неполноты охвата языка не уходит полностью, и в особо сложных случаях языковые корпуса и системы интернет-поиска тоже не могут обеспечить достаточный статистический материал для проверки коллокации на нормативность употребления [Григорьев 2019], [Григорьев 2020]. Тогда последним рубежом при острой необходимости проверки коллокации остается интроспекция исследователя, но, как было отмечено выше, кальки, которые можно назвать частным случаем проникновения ненормативной сочетаемости и ненормативной семантики в язык, иногда не могут быть достоверно определены и описаны путем установления происхождения. Более того, нормативная точка зрения на выбор списка «правильных» коллокаций лишь позволяет выбрать те из них, которые стали наиболее употребимыми в авторитетных источниках, но никак не освещает языковые процессы, благодаря которым это происходит.

Лингвистический эксперимент как средство определения калек

Дополнительным способом определения калек и ненормативной сочетаемости мог бы стать лингвистический эксперимент при условии его правильной организации. Определение лингвистического эксперимента может различаться в зависимости от целей и протокола, но в общих чертах лингвистический эксперимент следует понимать как «процедуру преднамеренного воспроизведения явления в таких условиях, которые позволяют обнаружить зависимость

существования явления от тех или иных параметров» [Селиверстова 2004, 93]. Тогда лингвистический эксперимент предположительно мог бы установить на основе ответов респондентов, является ли коллокация калькой. Но так как идентификация калек не всегда возможна даже для исследователей, то от рядовых носителей языка в большинстве случаев должны поступать смешанные ответы, как и получилось в проведенном эксперименте. Однако даже если лингвистический эксперимент не позволяет безошибочно определять кальки, то при большом количестве участников на основе процентного соотношения положительных и отрицательных ответов такой эксперимент позволяет говорить о степени идентификации конкретной кальки носителями языка. Если два языка соприкасаются друг с другом, то на основе полученных данных можно говорить о возможности проникновения исследованных калек в язык-реципиент. Так как русский и эстонский языки находятся в непосредственном соприкосновении друг с другом на территории Эстонской Республики, то процент положительных ответов в ходе оценки искусственно созданных калек респондентами говорит о вероятности проникновения эстонских калек в язык русской диаспоры, а также в русский язык учащихся при изучении его как иностранного.

Как было указано выше, главная идея эксперимента, проведенного нами, – проверка искусственно созданных калек из эстонского языка на способность их идентификации носителями русского языка. На основе искусственно созданных калек из эстонского языка создавались предложения таким образом, чтобы с помощью окружения кальки исключить возможную омонимию. Так как коллокация и ее значение неразрывно связаны, то для охвата как можно более широкого количества возможных вариантов для глагола *võtma* были рассмотрены его значения, указанные в словарях EVE и EKSS, в результате чего были отобраны 27 предложений. Для эксперимента выбраны те значения, которые нельзя перевести на русский язык с помощью эквивалентных глаголов *брать \ взять*; но вместо подходящего по значению глагола при переводе использовались именно глаголы *брать \ взять*, таким образом и были созданы кальки. Например, использованное в качестве иллюстрации предложение *tootmisse on võetud uus mudel* следовало бы перевести на русский язык как *в производство внедрена новая модель*, что и было отражено в словаре, но для создания искусственной кальки был использован прямой эквивалент эстонского глагола *võtma* в русском языке и получилось предложение *новая модель была взята в производство* (см. таблицу 1).

По своей внешней реализации описываемый эксперимент является классической анкетой-опросником для проверки истинности языкового явления, как было предложено О. Н. Селиверстовой [Селиверстова 2004, 123]. Разница заключается в том, что О. Н. Селиверстова предлагает на основе положительных и отрицательных ответов оценивать истинность или ложность языковых явлений, а именно семантики. В описываемом же эксперименте все предложения для анализа заведомо являются кальками из эстонского языка, а количество положительных и отрицательных ответов относительно возможности употребления таких коллокаций должно свидетельствовать о жизнеспособности данных калек в русском языке, предположительно в языке русской диаспоры Эстонии, а также в русском языке изучающих его как иностранный.

О. Н. Селиверстова считает, что количество участников в 12–15 человек достаточно для получения достоверных данных, однако отмечает: «При большом разбросе в результате опроса число информантов нужно увеличить» [Там же, 51]. «Качество» респондентов также должно быть оценено перед проведением эксперимента, чтобы могла быть составлена выборка на основе соответствия необходимым требованиям [Беликов, Крысин 2001, 192]. Так как при создании эксперимента предполагалось, что его результаты могли бы продемонстрировать степень устойчивости литературного языка к проникновению калек, то социальная принадлежность, пол и возраст респондентов не имеют значения, а определяющим качеством респондентов являются их языковые навыки. Очевидно, что при оценке нормативности коллокаций, респондентам необходимо быть носителями языка-реципиента, а не билингвами, чтобы исключить любую возможную интерференцию. В остальном это могут быть среднестатистические носители

языка, через которых калки и проникают в язык. Чтобы не спровоцировать критику относительно выбора респондентов, которых легко было бы обвинить в некомпетентности, проанкетированы русскоязычные студенты-монолингвы филологических специальностей РУДН, которые, как можно предполагать, застрахованы от неграмотных ответов, но не так хорошо должны идентифицировать калки, как преподавательский состав. Из более 100 заполненных анкет была отобрана 81 анкета, и для каждой калки составлено процентное соотношение положительных и отрицательных ответов (см. таблицу 2), отказы не вошли в статистику.

Большую часть калек – 17 из 26 вошедших в выборку примеров – можно считать успешно идентифицированными, так как в каждом случае их признали недопустимыми более 85% опрошенных, в некоторых случаях процент отрицательных ответов достигал 97–98%, но никогда не был равен 100%. Предложения под номерами 16 и 22 были оценены как недопустимые уже не таким большим числом респондентов: 81,48% и 71,6% соответственно. 4 калки – предложения под номерами 8, 9, 12 и 24 – были признаны более чем в 30% случаев допустимыми: 40,74%, 30,86%, 44,44% и 38,27% соответственно. При количестве положительных ответов более 30% приходится говорить о неуверенной идентификации калек носителями языка. Но самыми яркими случаями являются калки, которые были признаны более чем 60% опрошенных как допустимые: предложения 3, 4 и 20 получили 65,43%, 60,49% и 96,3% соответственно.

В предложениях 3 и 4 правильно было бы использовать хоть и разные, но семантически сходные глаголы: *новая модель внедрена в производство* и *театр включил в репертуар новую пьесу*. Очевидно, что глаголы *внедрять* и *включать* в данных контекстах также очень близки по значению к глаголам *брать* \ *взять*, из-за чего калки и были оценены как допустимые таким большим процентом опрошенных. Интерес представляет предложение 20. С одной стороны, такой высокий процент положительных ответов на него мог бы говорить о том, что искусственно созданная калка случайно совпала с нормативной коллокацией. С другой стороны, в словарях и языковых корпусах не было найдено сочетание *огонь не берет* в значении *нормально функционирует*, а только в значении *не вредит*. Но для более объективной оценки данная коллокация нуждается в отдельном исследовании. Ниже приводятся коллокации, предложенные для оценки.

Таблица 1

Список предложений для эксперимента

1. Пациент взял лекарство и наморщился от горького вкуса.	2. Молодой человек взял девушку на танец.
3. Новая модель была взята в производство.	4. Театр взял в репертуар новую пьесу.
5. По утрам глава семейства непременно брал холодный душ.	6. Уличное представление туристы взяли на пленку.
7. Фотограф взял с нее несколько снимков.	8. Портной взял мерку.
9. При беге одышка берет.	10. Девочка взяла театральную позу.
11. Лицо мужчины взяло важный вид.	12. Мысли вдруг взяли другой оборот.
13. Ящик взял в коридоре много места.	14. Поездка в Хельсинки берет только полчаса.
15. У пенсионеров лекарства берут много денег.	16. Иногда восстановление равновесия у канатоходца берет много времени.
17. Прохожий взял мальчика за взрослого.	18. Не бери ситуацию так трагично.
19. Он берет жизнь слишком легко.	20. Сырые поленья огонь не берет.
21. Скакал так быстро, как только лошадь брала.	22. Кричал так громко, как только горло брало.
23. Война взяла у матери обоих сыновей.	24. Огонь забрал дом.
25. Трактор взревел и взял с места.	26. Посмотрим, что он возьмет делать.

Таблица 2

Соотношение положительных и отрицательных оценок нормативности

1. 3,7% / 95,06%	2. 1,23% / 96,3%
3. 65,43% / 32,1%	4. 60,49% / 35,8%
5. 1,23% / 97,53%	6. 1,23% / 97,53%
7. 13,58% / 85,19%	8. 40,74% / 58,02%
9. 30,86% / 66,67%	10. 9,88% / 87,65%
11. 3,7% / 95,06%	12. 44,44% / 54,32%
13. 2,47% / 97,53%	14. 1,23% / 97,53%
15. 6,17% / 92,59%	16. 16,05% / 81,48%
17. 1,23% / 98,77%	18. 9,88% / 90,12%
19. 3,7% / 93,83%	20. 96,3% / 3,7%
21. 11,11% / 87,65%	22. 24,69% / 71,6%
23. 13,58% / 85,19%	24. 38,27% / 60,49%
25. 13,58% / 85,19%	26. 8,64% / 91,36%

Отношение отрицательных ответов к количеству калек

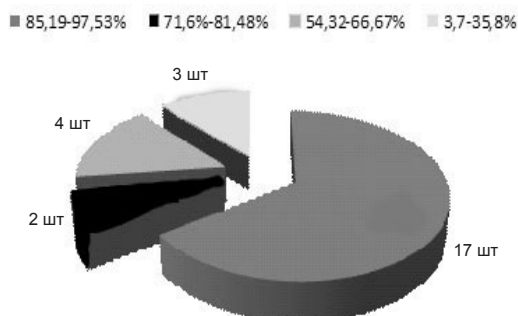

Диаграмма 1. Отношение отрицательных ответов к количеству калек

Заключение

Представленный эксперимент продемонстрировал, что при своем семантическом сходстве с нормативными коллокациями искусственно созданные, а значит и естественные, кальки могут не регламентироваться языковыми нормами и быть не замечены большей частью носителей языка и, следовательно, иметь все шансы на заимствование. Конечно, результаты эксперимента уверенно говорят лишь о том, что небольшую часть искусственно созданных калек респонденты оценивают, давая смешанные ответы: малая часть искусственно созданных калек все же была оценена респондентами в большей степени как естественные коллокации, а одна искусственно созданная калька почти со стопроцентной вероятностью была воспринята как нормативная. Учитывая, что подавляющее большинство калек было верно идентифицировано респондентами, было бы полезно организовать ряд подобных экспериментов с другими глаголами в целях расширения количества оцениваемых коллокаций и наращивания статистического материала, что позволило бы глубже оценить способность носителей языка идентифицировать кальки и исключить возможные совпадения при искусственном создании калек. Кроме того, если на базе достаточной выборки результатов подобных экспериментов удалось бы выявить средний процент калек, остающихся не идентифицированными носителями языка,

то было бы интересно сравнить этот показатель в различных комбинациях языка-реципиента и языка-донора. Поэтому обратный эксперимент с созданием искусственных калек из русского языка в эстонском выглядит тоже перспективным. Продолжение исследований в данном направлении поможет лингвистам-практикам при создании более совершенных способов проверки коллокационной нормативности и методов обучения иностранным языкам, сокращающим вероятность калькирования, а лингвистам-теоретикам поможет в понимании механизма проникновения калек в язык-реципиент.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974. 368 с.
- Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика. М.: Издательский центр РГГУ, 2001. 439 с.
- Горбачевич К. С.* Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1989. 208 с.
- Григорьев М.* Об одном интегральном компоненте глаголов приобретения в русском и эстонском языках // Русская филология. 30. Сборник работ молодых филологов. Тарту, 2019. С. 299–305.
- Григорьев М.* К проблеме определения семантических компонентов глаголов приобретения в русском и эстонском языках // Русская филология. 31. Сборник работ молодых филологов. Тарту, 2020. С. 328–335.
- Денисов П. Н., Морковкина В. В.* Словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Рус. яз., 1983. 688 с.
- Дерибас В. М.* Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М.: Рус. яз., 1979. 256 с.
- Истрина Е. С.* Нормы русского литературного языка и культура речи. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 32 с.
- Кондратьева Н. В., Шаланки Ж.* Кодовое переключение в условиях удмуртско-русского билингвизма (на материале глагольных форм) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 4. С. 590–598.
- Кронгауз М. А.* Семантика. Учебник. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.
- Крысин Л. П.* Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания №6. М.: Наука, 2002. С. 27–34.
- Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социоллингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Кюльмоя И. П.* К диалектике своего и чужого в русском языке рассеяния // Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое – чужое в языке и речи. Тарту, 2016. С. 116–123.
- Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1996. 207 с.
- Пешиковский А. М.* Объективная и нормативная точки зрения на язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1964. С. 231–242.
- Селиверстова О. Н.* Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
- Grieve J., Asnaghi C., Ruetter T.* Googleology is Good Science // Workshop on Web Data as a Challenge for Theoretical Linguistics 2014. Marburg, 2014. 57 p.
- Hanks P.* Lexical analysis: norms and exploitations. Cambridge, 2013. 462 p.
- Haugen E.* The analysis of linguistic borrowing // Language, 1950. Vol. 26. P. 210–331.
- Kaarma G., Külmoja I., Lagle T., Leemets H., Linnas A., Qim A.* Eesti-vene õppesõnastik. Tallinn, 1981. 560 k.
- Kilgarriff A.* Googleology is Bad Science // Computational Linguistics, 2007. Vol. 33. P. 147–151
- Strelēvica-Ošiņa D.* The Language of Correctness: Some Terms of Latin Origin // Antiquitas Viva, 2019. Vol. 5. P. 185–194.
- Richter E.* Fremdwortkunde. Leipzig, Berlin, B. G. Teubner, 1919. 138 p.

Поступила в редакцию 07.09.2022

Григорьев Максим Игоревич,
докторант Тартуского университета,
51009, Эстония, г. Тарту, ул. Раатусе, 22,
e-mail: grigoryev_max@mail.ru

M. I. Grigorev

**EXPERIMENTAL EVALUATION OF ESTONIAN CALQUES BY RUSSIAN NATIVE SPEAKERS
(ON BASIS OF ACQUISITION VERBS)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-26-37

The article provides a discussion about such problems as hidden entry of calques into a recipient language, insufficient development of collocative norms, and basic limitations of language norms, which particularly impedes verification of collocations and potential calques according to norms. As an alternative to language norms and corpora, which can be considered their modern analogue, a linguistic experiment is proposed in the article, the main idea of which is artificial creation of Estonian calques in Russian language with their subsequent evaluation by Russian native speakers. Presumably these calques had to be easily identified by competitive native speakers, such as students of language programs from RUDN University, which was confirmed by experiment's results. However, in few cases calques were evaluated as acceptable collocations. Taking into consideration the language skills of respondents and the quantity of questionnaires (81 items), the results received can't be a mistake and should be researched separately. The article describes the process of artificial calques' creation, the selection process of respondents, the protocol of conducting the experiment, as well as the primary interpretation of experiment's results. In general, the experiment described in the article proposes an original view on the research of calquing process and varification of collocative normativity, which can be especially useful in the theory and practice of foreign language teaching.

Keywords: calques, collocations, lexical compatibility, lexical semantics, language norms, collocative norms, dictionaries of lexical compatibility, language corpora, linguistic experiment.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 1. P. 26–37. In Russian.

REFERENCES

- Apresyan Yu. D.** *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical semantics (synonymous language means)]. M.: Nauka, 1974. 368 p. In Russian.
- Belikov V. I., Krysin L. P.** *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. M.: Izdatel'skii tsentr RGGU, 2001. 439 p. In Russian.
- Denisov P. N., Morkovkina V. V.** *Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka* [Dictionary of lexical compatibility in Russian language]. M.: Rus. yaz., 1983. 688 p. In Russian.
- Deribas V. M.** *Ustoichivye glagol'no-imennye slovosochetaniya russkogo yazyka* [Verb Noun set phrases of Russian language]. M.: Rus. yaz., 1979. 256 p. In Russian.
- Gorbachevich K. S.** *Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Norms of modern standard Russian language]. M.: Prosveshchenie, 1989. 208 p. In Russian.
- Grieve J., Asnaghi S., Ruette T.** Googleology is Good Science. *Workshop on Web Data as a Challenge for Theoretical Linguistics 2014*. Marburg, 2014. 57 p.
- Grigor'ev M.** Ob odnom integral'nom komponente glagolov priobreteniya v russkom i ehstonskom yazykakh [About one integral component of acquisition verbs in Russian and Estonian languages]. *Russkaya filologiya. 30. Sbornik rabot molodykh filologov* [Russian philology. 30. Journal of students' papers]. Tartu, 2019. P. 299–305. In Russian.
- Grigor'ev M.** K probleme opredeleniya semanticheskikh komponentov glagolov priobreteniya v russkom i ehstonskom yazykakh [On the problem of determining the semantic components of acquisition verbs in Russian and Estonian languages]. *Russkaya filologiya. 31. Sbornik rabot molodykh filologov* [Russian philology. 31. Journal of students' papers]. Tartu, 2020. P. 328–335. In Russian.
- Hanks P.** *Lexical analysis: norms and exploitations*. Cambridge, 2013. 462 p. In English.
- Haugen E.** The analysis of linguistic borrowing. *Language*, 26. University of Wisconsin, 1950. P. 210–331. In English.
- Istrina E. S.** *Normy russkogo literaturnogo yazyka i kul'tura rechi* [Norms of standard Russian language and speech culture]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1948. 32 p. In Russian.

Kaarma G., Külmoja I., Lagle T., Leemets H., Linnas A., Qim A. *Eesti-vene õppesõnastik*. [Estonian-Russian dictionary] Tallinn, 1981. 560 p. In Estonian.

Kilgarriff A. Googleology is Bad Science. *Computational Linguistics* 33. Sussex, 2007. P. 147–151. In English.

Kondrat'eva N. V., Shalanki Zh. Kodovoe pereklyuchenie v usloviyah udmurtsko-russkogo bilingvizma (na materiale glagol'nyh form) [Code switching in Udmurt-Russian bilingualism]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2021. Vol. 15. Nr. 4. P. 590–598.

Krongauz M. A. Semantika. Uchebnik. [Semantics. Textbook] M.: Izdetel'skii tsentr «Akademiya», 2005. 352 p. In Russian.

Krysin L. P. Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovaniye v russkom yazyke poslednikh desyatiletii [Lexical loan and calquing in Russian language of last decades]. *Voprosy yazykoznaniiya №6* [Questions of linguistics nr.6]. M.: Nauka, 2002. P. 27–34. In Russian.

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian word, own and alien: research on Russian language and social linguistics]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 888 p. In Russian.

Külmoya I. P. K dialektike svoego i chuzhogo v russkom yazyke rasseyaniya [About dialectics of own and alien in Russian language of diaspora]. *Acta Slavica Estonica VIII. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika XVII. Svoe – chuzhoe v yazyke i rechi* [Acta Slavica Estonica VIII. Papers about Russian and Slavic philology. Linguistics XVII. Own and alien in language and speech]. Tartu, 2016. P. 116–123. In Russian.

Mechkovskaya N. B. *Sotsial'naya lingvistika* [Sociolinguistics]. M.: Aspekt Press, 1996. 207 p. In Russian.

Peshkovskii A. M. Ob'ektivnaya i normativnaya tochki zreniya na yazyk [Objective and normative points of view on language]. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniiya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. CH. II*. [History of linguistics in XIX–XX centuries in essays and extracts. Part II]. M.: Prosveshchenie, 1964. P. 231–242. In Russian.

Richter E. *Fremdwortkunde*. [Foreign vocabulary] Leipzig, Berlin, B. G. Teubner, 1919. 138 p. In German.

Seliverstova O. N. *Trudy po semantike* [Papers on semantics]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 960 p. In Russian.

Strelēvica-Ošiņa D. The Language of Correctness: Some Terms of Latin Origin. *Antiquitas Viva*, 5. University of Latvia, 2019. P. 185–194. In English.

Received 07.09.2022

Grigorev Maksim Igorevich,
PhD Student of the University of Tartu,
22, Raatuse, Tartu, 51009, Estonia,
e-mail: grigoryev_max@mail.ru